

СОДЕРЖАНИЕ ЦИКЛА

«Владычица ветра»:

Книга 1. Внучка бабы Яги

Книга 2. Невеста Кощея

Книга 3. Мать четырех ветров

Татьяна Коростышевская

ВЛАДЫЧИЦА ВЕТРА

МАТЬ ЧЕТЫРЕХ ВЕТРОВ

КНИГА 3

RUGRAM

УДК 82-312.9
ББК 84.4
К68

Коростышевская Т.

К68 Владычица ветра. Книга 3. Мать четырех ветров / Т. Коростышевская, — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2022. — 494 с. — (Владычица ветра).

ISBN 978-5-521-91330-5

Дамы и господа, спешите видеть! Впервые под жарким элорийским солнцем для вас разыграется удивительное представление!

Любовь и страсть, придворные интриги, пышные балы, свидания и расставания, дуэли и пикантные ситуации. В главной роли — неугомонная Лутеция Ягг, юная рутенская ведьма, внучка бабы Яги. Во всех прочих — ее многочисленные друзья, недоброжелатели, поклонники, а также великий и ужасный князь Влад по прозвищу Дракон.

Пожалуйте, дамы и господа! Скучно не будет!

BIC FM
BISACFIC009000

© Татьяна Коростышевская, текст, 2022

© ИДДК

© RUGRAM, оформление, 2022

© Т8 Издательские технологии, 2022

ISBN 978-5-521-91330-5

Пролог

Пронзительный крик «Торо!» разносится над площадью Розы. Желтый песок брызжет из-под копыт быка, восторженно вопят зрители, пикадоры разбегаются, чтоб уже через мгновение перестроиться и продолжить свой смертельно опасный танец. Двухцветные плащи капоте трепещут, будто флаги на ветру. «Торо, бестия, торо! Подходи, бестия, поиграем!» Соленый ветер с моря доносит запах водорослей. Скоро и он исчезнет, смытый новым жестким ароматом — пота и крови, азартным запахом корриды. Зрители возбуждены. Круглый периметр арены заполнен. И уже плевать почтенным матронам на непристойно сползшие мантильи молоденьких подопечных, на сломанные нежными пальчиками веера и на жаркие взгляды, которыми опаляют покрасневшие щеки благородных доний столичные повесы. «Торо, бестия! Торо!»

В двух кварталах от площади под соломенным навесом таверны «Три танцующих свиньи» происходила встреча, не имеющая к корриде прямого отношения. На плетеных стульях за выбеленной соленым ветром и жарким элорийским солнцем столешницей друг

напротив друга сидели двое. Хозяин заведения Педро Хуан Октавио ди Луна по прозвищу Плевок и некто, чье имя обычно произносилось украдкой и на любом языке означало — смерть. Этот второй, несмотря на одуряющую жару пятого месяца мадхо, кутался в серый плащ. Длинная шпага с глубокой чашкой лежала на столе, как бы демонстрируя всем желающим, что пустой болтовни ее хозяин не любит. Плевок отдувался и поминутно вытирал лысину полинялой тряпицей, пока его собеседник цедил вино из бокала с таким видом, будто каждый глоток может стать последним.

— Говоришь, у мальчишки, как там его зовут, есть какая-то поддержка в Квадрилиуме?

— Ну да, — фыркнул хозяин. — Точно так, Муэрто, точно так... Магичка к нему ходит как по часам, ежедневно, и сам он...

Плевок умолк, будто прикидывая, стоит ли выдавать на-гора ценную информацию. Собеседник терпеливо ждал, затем кончиками пальцев тронул эфес шпаги. Сталь звякнула о столешницу. Плевок быстро продолжал:

— Служанки все перешептываются, не простой ка-бальеро у нас живет-поживает. Аннунциата белье его стирает за медную монетку в день, так вот, заметила она на рубашках нашивки — знак саламандры.

— Огневик? Бывший маг или шпион ректора?

— Все может быть, — пожал плечами хозяин. — Только его удачные ставки на корриде совсем уж чародейством пахивают.

— Понятно. — Муэрто задумчиво пожевал губами и еще плотнее закутался в плащ. — Передай заказчику, придется доплатить. Одно дело — скрестить шпагу в темном переулке с резвым вертопрахом, а совсем другое — с магом, пусть и бывшим.

— Ты, главное, это... — Хозяин отбросил тряпицу, в лучшие времена служившую для протирки посуды. — Главное — предупредить меня не забудь. Клиенту-то нашему про мальчишкину кубышку знать не обязательно, а нам с тобой она очень пригодится.

— И что там, много припрятано?

— Да уж немало. Знаешь, кто на прошлой неделе куш сорвал?

— Это когда бык взбесился и пришлось в действе вторую терцию пропустить, переходя сразу к третьей? — скептически поднял рыжеватые брови Муэрто. — И на что же ставил наш объект?

Плевков исподтишка оглянулся, чтоб убедиться, что их никто не подслушивает.

— На отмену боя. Один поставил. Тридцать дублонов. Представляешь? А бой-то как раз и отменили!

Рыжеватые глаза смотрели равнодушно из-под низко надвинутых полей шляпы.

— Но ты все же с клиента прибавку спроси.

— Непременно, Муэрто. Все сделаю.

— Как, говоришь, нашего мальчика зовут?

— Мануэль Изиидо, провинциал, как все они — гор-

дый до спеси.

— Ну, так мир праху его, — поднял Муэрто почти опустевший бокал. — Есть у меня предчувствие, что на днях род Изиидо понесет невосполнимую утрату.

Плевок льстиво хихикал, подливая собеседнику вина.

Невинная жертва готовящегося нападения, тот самый Мануэль Изиидо, в это время подметал полой плаща булыжники мостовой неподалеку от площади Розы. Юный вертопрах был действительно юн, лет двадцати — двадцати двух на вид. Не очень высок ростом, что, впрочем, несколько скрадывалось высокими каблуками ботфорт, и слегка субтилен, чего ни щеголеватый облегающий колет, ни плащ, который молодой человек по случаю жары широко распахнул, скрыть не могли. Острый нос и подбородок недвусмысленно свидетельствовали о жаркой южной крови молодого человека. Карие, чуть навывкате глаза обрамлялись густейшими ресницами, могущими сделать честь любой записной кокетке. Над полноватой верхней губой залихватски топорщились темные усыки. Короче, на пустынной по случаю корриды улочке нижнего города в этот момент находился кабльеро, приятный во всех отношениях, способный заставить учащенно биться не одно девичье сердечко. Но планы молодого человека были далеки от любовных утех. Хотя ожидал он именно даму, и дама изволила запаздывать. Наконец из темных врат храма Источника показался накрахмаленный чепец, а следом и его обладательница

— прехорошенькая горничная.

— Доброго полдня, — звонко произнесла она, поравнявшись с молодым человеком.

— И вам того же, любезная Аннунциата. — Мануэль поклонился, сняв шляпу и потряхнув черными кудрями. — Могли ли я надеяться, что вы поможете мне?

— Непременно, — сверкнула очами кокетка. — Если вы снабдите меня пропуском, я доставлю ваш груз в Верхний город.

— К воротам Квадрилиума, — уточнил молодой человек, передавая в дамскую ладошку тугой свиток пергамента с продолговатой печатью. — Вам придется побеседовать с ключником и добиться от старика, чтоб он вызвал к воротам донью Лутецию Ягг.

— Незачем повторять, — капризно надулись розовые губки. — Я же не дурочка!

— О, я нисколько не сомневаюсь в вашем светлом уме, моя прелесть, — терпеливо продолжал кабальеро. — Более того, я уверен, что вы единственная среди своих товарок обладаете достаточной обходительностью для того, чтобы сойти за свою в аристократическом обществе университета.

Щечки горничной порозовели от удовольствия. Однако тревожная складочка между тонких бровок разгладиться не спешила. Мануэль не возражал, когда она назвала донью Лутецию его любимой, а это говорило слишком о многом.

— Если ваша ветреница будет на занятиях, что при-

кажете делать мне? Я отпросилась у хозяина для посещения храма и не думаю, что он поверит, будто я до вечера черпала мудрость Источника.

— Ваша мудрость и без того велика, о роза моего сердца! — Кабальеро на минутку задумался. — К тому же вам действительно придется подождать у ворот. Шансы, что вы застанете на месте донью Ягг, невелики.

Девушка нахмурилась. Мануэль ласково заглянул ей в лицо.

— Ну почему так грустны эти милые глазки? К их блеску подойдет насыщенный цвет рубинов.

Из кошель молодой человек извлек массивные серьги в виде полумесяцев из тяжелого зеркального перламутра. В центре каждого из них на тоненькой цепочке болтался искусно ограненный малиновый камешек.

— Они того же цвета, что и вино, хранящееся в погребах Изиидо. Цвет любви, цвет страсти — ваш цвет.

Аннунциата ахнула. И хотя сомнения в благосостоянии провинциального дворянского рода господина Мануэля неоднократно высказывались и ею, и ее подругами в частных беседах, сейчас она готова была поверить, что перед ней элорийский король инкогнито. Она жадно схватила подарок.

— Не нужно меня благодарить. Ваша красота достойна большего, — обольстительно журчал голос кабальеро. — Верьте мне.

И Аннунциата поверила. Мануэль резко свистнул;